

ПРЕМЬЕРА

ДОСТОЕВСКИЙ, но в меру, сказал когда-то Томас Манн, по-видимому, обдумывая, как следует писать в двадцатом веке. Гениальный, но немец. Достоевского чуть-чуть не бывает, как не бывает немного урагана. Безмерность и безудержность входят в состав результата, как, вероятно, и в состав нашей реальной, а не теоретически сбалансированной культуры.

Может быть, где-то отчаянные максималисты пугают мирных сограждан девизом «все или ничего». У нас это давно пройденный этап, детские игрушки. У нас и все, и ничего сразу. Потому-то и все, что ничего. Этот яркий подход хорошо виден на (самом злободневном на сегодняшний день) примере восприятия Владимира Высоцкого.

Если уж ничего — то со злостью и надменным, высокомерным небрежением. 1 (одно) покалеченное стихотворение, опубликованное при жизни, в «Дне поэзии». Во как. На уровень преснятины и посредственности, составляющий добротный фон этих пресловутых сборников, он и то не тянет. Со всяческими унижениями, невыносимыми для гордого человека, ему бросили что-то вроде подачки.

Та же история — с книжкой. Разве можно было позволить Высоцкому выпустить сборник — среди заголов «поэтической» макулатуры, от которой стонут уже не продавцы, а полки магазинов, места для толенькой хотя бы его прижизненной книжицы не нашлось. А вот докажите мне, что он не прожил бы намного дольше, если бы подержал ее в руках.

Зато теперь наступает этап «всего». Раскроешь газету, журнал, включишь радио, и вот наконец телевидение... Все как будто торопятся отметить. Честное слово, не передачу уважаемого Эльдара Александровича Рязанова хочется прежде всего разбирать, а саму сегодняшнюю стадию восприятия.

Немного урагана

Юбиляра чествуют двое. Один счастлив, что человек все это спел. Второй — что больше невесть чего не сплет. Рады оба. Третьего просто никого нет. Чествование становится безудержным, захлестывает.

Разумеется, раздваивается и образ поэта. Кому какой. Посмертный теснит живого. Лауреат стесняется бунтаря. Над напряженными от перегрузок плечами бурлака, тащившего огромные баржи стадионов по пересохшему руслу «застоя», явственно прорастают белоснежные в своей невинности крылышки.

Теперь раздражение неизбежно возникнет вслед за восхищением. С одной стороны, появятся, если уже не появились, люди, которым плевать на любую поэзию вообще, давай одного Высоцкого (об этом ему много мог бы порассказать соратник по кладбищу Есенин). С другой — следующее поколение, глядишь, и отмахнется от нас, восторженных: да отвяжитесь вы со своим Высоцким, достали. Но можно наконец надеяться: многие поймут, что раздражение наше относится не к нему, а к нам, к нашему неумению чувствовать точно и вовремя.

ТЕПЕРЬ что ж. Передача как раз неплохая. Несколькo благостная в первой части. Настолько, что во второй, театральной, вдруг с изумлением видишь: а что, собственно, должен означать этот самый конфликт с Золотухиным? И догадываешься: это драматизируется путь нашего героя. Как будто трагедию ест куда драматизировать дальше!

Да не Филатов со Смеховым, Демидова с Золотухиным нам тут нужны. У Высоцкого настоящих, почти к тому же всеильных врагов было достаточно. Это сегодня их как бы нет, растворились. У них анонимность заменяет скромность и служит надежным прикрытием. Их не так-то просто назвать. Но надо.

Поэт не пренебрегал этим. «Ой, Вань, умру от акробатиков! Смотри, как вертится, нахал! Завцехом наш, товарищ Сатюков недавно в клубе так скакал!» Как залетела, откуда, в смешную строчку эта редкая ономастическая единица? Да расспросили бы старожилы, если сами не помните, — ведь нет же иного пути поправить дела на нашей пятой швейной фабрике.

Где-то рядом. Кто именно ни разу не выпустил его на экран того же ЦТ, и пришлось теперь побираться по Европе за своим собственным национальным достоянием? Пригласили бы в кадр Ксению Маринину и спросили, от кого именно она, как партизанка, прятала и скрывала свою гениально простую ленту о Высоцком, единственную в Москве?

В четвертой серии, слава богу, все уточняется. Но ведь не до конца. Вот статьи «Что за песней?», кажется. Или там «Для кого поет Владимир Высоцкий?» С чьего, так сказать, голоса. Авторы ведь живы. Где-то они рядом. Понимаете, застой застою, но написать статью вас никто заставить не может. Молчать — может, написать — нет. Это уж вы сами должны были хотеть выслужиться.

Где вы? Ау. Войдите в кадр. Что вы думаете о нем сегодня? Поймите, я не за ответную волну репрессий. Но не надо лишать людей возможности покаяния. Вот урок Высоцкого, который мы или извлечем, или грош нам цена: шельмовать, запрещать, унижать — небезопасно!

Не хватает его сегодня. Кто напишет песню о выдержке, морозоустойчивости и упорстве, приобретенных в алкогольной очереди? Никто не напишет.

ВЕДЬ и сам феномен Высоцкого (а не только его публичного восприятия) пока загадка. За общим, как бы единым отныне восприятием просматриваются абсолютно разные конструкции. Вот некоторые.

Десятиборец. В каждом отдельном виде — не чемпион и даже не мастер спорта. Ни в гитаре, ни в мелодии, ни в стихе, ни в вокале. А чемпион именно в десятиборье (Евг. Евтушенко).

Актер, и потому поэт. Сам себе драматург, создатель персонажа, и в этом качестве создающий песню (Э. Рязанов).

Поэт, и потому актер. Актер монолического плана, с кем не так-то легко партнерам. Играющий Хлопушу, Гамлета, Дон Гуана, Ибрагима — как Есенин, Шекспир и Пастернак, Пушкин. Песни создающий как поэт, открывший новую, персонажную технологию лирики и, конечно, сатиры. (Насколько мне известно, эта точка зрения впервые сформулирована в нашей газете. Кажется, близки к такому восприятию Н. Крымова, В. Абдулов).

Чемпион именно среди поэтов. (В. Новиков, «Октябрь», № 1, 1988 г.).

Новиков написал интересную статью о почти неизбывном втором смысле у Высоцкого. (В самом деле, «Мир вашему дому», может быть, не только и не столько об истребителе и войне, сколько о человеке и его «гении», внутреннем голосе, как у Сократа). Но конкретный анализ у В. Новикова оказывается надуманным. «Товарищи ученые» — дескать, и ученые бывают лентяями и формалистами. Бывают. В песне этого нет.

Зато там есть неуютность сосуществования с неким персонажем сержантского, что ли, типа. «Ох, вы там добалууетесь, ох, вы доизвлекаетесь!». Где мы слышали эти отеческие интонации? С его представлением о земном рае: «Когда с солью ее намять!» «Фельдфебеля в Вольтеры дам» — вот, если угодно, и второй план.

Когда-то Эренбург подметил забавную ситуацию с кубинским поэтом Гильеном. Пока самые высококультурные литературоведы во всей испаноязычной культуре спорили о смысле его строк, неграмотный, а то и подвыпивший негр у дороги пел эти самые строки с полным пониманием. Тут что-то похожее. Сегодня все провекции Высоцкого выглядят равноправными. Интересно, на чем остановится будущее? Пока же разница взглядов (в сущности любящих), может, спасет от канонизации человека, рожденного не для нее.

СМЕШАННОЕ чувство восторга и горечи мучительно. Хочется и отвлечься. И трогательное австралийское киноповествование «Все реки текут» приглашает к этому. Героиня — прелестная юная дикарка с широко расставленными и раскрытыми на мир глазами. Герой — мужественный и сдержанный, добродушно-грубоватый, немногословный, с бородкой, напоминающий — о, господи, ну кого он нам может сегодня напоминать?

Александр АРОНОВ.